

ГУМАНИТАРНЫЙ ТРАКТАТ

научный журнал о гуманитарных науках

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.gumtraktat.ru

ISSN 2500-1159 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №31

Кемерово 2018

13 августа 2018 г.
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по гуманитарным наукам. Подробнее на www.gumtraktat.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.:

П.И. Никитин - главный редактор, ответственный за выпуск.

Н.В.Обелюнас - кандидат филологических наук, экс-преподаватель кафедры журналистики и русской литературы 20 века КемГУ, ответственный за финальную модерацию и рецензирование статей.

А.Е. Чурсина – редактор, ответственный за первичную модерацию и рецензирование статей.

С. А. Уталиев – доктор философских наук; Казахско-Русский Международный университет (КРМУ)

С. С. Жубакова - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и самопознания, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева

И. В. Воробьева - кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Белорусского государственного университета.

Е. В. Суворцева - кандидат филологических наук; Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

З. М. Мухамедова - доктор философских наук, кафедра социально-гуманитарных наук Ташкентский государственный стоматологический институт.

А. А. Бейсембаева - кандидат педагогических наук, профессор кафедры Педагогики и психологии Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана

Х. Б. Норбутаев - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образования Термезский государственный университет

Г. М. Сыдыкова - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кыргызского Национального университета имени Жусупа Баласагына

Д.Х. Исламова – доктор философии, Ташкентский государственный технический университет

А.О. Сергеева - ответственный администратор[и др.];

Научный журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации гуманитарных наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail: admin@idpluton.ru

Подписано в печать 13.08.2018 г.

Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

Содержание

1. JAMES JOYCE'S PORTRAIT: A MODERNIST MASTERPIECE.....	3
Мавлонова Г.Б.	
2. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И УМНЖЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ.....	6
Митькина А.Д.	
3. СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ И АНГЛИЙСКИХ ЗАГОЛОВКОВ.....	9
Сатыбалдиева Е.Д.	
4. АНАЛИЗ ТЕОРИИ ЭКОНОМИКИ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА.....	11
Трынкин В.В.	
5. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ПОНЯТИЙ «ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ» И «МНОГОПАРТИЙНОСТИ» В ПРАВОВОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ.....	21
Мартынов В.В.	

Мавлонова Гульнигор Бахриддин кизи
учительница школы №18, Термез, Узбекистан
Mavlonova Gulnigor Bahriddin kizi,
The teacher of school №18th, Termez, Uzbekistan

УДК 821.111

ПОРТРЕТ ДЖЕЙМС ДЖОЙС: МОДЕРНИСТСКАЯ МАСТЕРПИКА

JAMES JOYCE'S PORTRAIT: A MODERNIST MASTERPIECE

Аннотация: В этой статье рассматривается проблематичная проблема духовного полета героев в работах Джеймса Джойса. В этой статье обсуждается мифический полет Дедала и Икара в его модернистском шедевре. В первую очередь Джойс использует поток повествования сознания, аллюзии и эпифании, как видно через сознание Стефана Дедала, чтобы позволить читателю во внутреннюю работу сознания Стефана.

Annotation: This article deals with the problematic issue of spiritual flight of heroes in James Joyce's works. In this article the mythical flight of Daedalus and Icarus, in his Modernist masterpiece is chosen to discuss. Most notably, Joyce uses stream of consciousness narration, allusions, and epiphanies as seen through the consciousness of Stephen Dedalus to allow the reader into the inner workings of Stephen's mind.

Ключевые слова: поток сознания, повествование, внутренний монолог, аллюзии, модернистский шедевр, духовное и интеллектуальное сознание, осознание и язык, самоактуализация и прозрение.

Key words: Stream of consciousness, narration, interior monologue, allusions, Modernist masterpiece, spiritual and intellectual awareness, awareness and language, self-actualization and epiphany.

According to James Joyce scholar, Landess, Joyce takes us on the spiritual flight of hero Stephen Dedalus, much like the mythical flight of Daedalus and Icarus, in his Modernist masterpiece, Portrait of the Artist as a Young Man. While Joyce's hero takes his tenuous flight to freedom, the reader experiences literary techniques that are characteristic of the early 20th century Modernist novel.

Stream of consciousness narration is a central component of Joyce's Modernist novel, Portrait. According to Blades, "Stream of consciousness is a Modernist technique used widely by Joyce. Joyce's experimentation in structure, form, content, and language signaled the Modernist movement". Buttgieg adds that, "Stream of consciousness is a literary technique which seeks to describe an individual's point of view by giving the written equivalent of the character's thought processes. It is a special form of interior monologue". Modernism is rooted in such self-consciousness and reflective impulses. It introduced a new kind of narration, one that would fundamentally change the entire essence of novel writing. The goal of the modernist novel is to not only to translate actual events but also events of the mind and explore the pathways of human consciousness. According to Price, "Stream of consciousness narration is a window into this interior monologue which is always going on and which constitutes our inner life. Joyce was concerned with this inner life". Hence, Joyce's stream of consciousness narration reflects Portrait's Modernist roots.

From the very beginning of the novel, the reader is inside the mind of Stephen Dedalus, a young Irish Catholic lad born into a poor family in the early 1900s who desires to be free of the constraints of his life to practice his art, writing. Joyce opens the novel with a jumble of words in child-speak: "Once upon a time and a very good time it was there was a moocow down along the road and this moocow that was coming down along the road met a niceness little boy named tuckoo. He was a baby tuckoo". Stephen's early childhood is presented as a series of sensory images simulating a child's first impressions. Using his senses: sight his father's face, smell the oil sheet and his parents, taste the lemon plat, hearing the nursery tale and song, touch the wet sheets on the bed, the narrative is a stream of consciousness that allows the reader directly into the mind of Stephen. Joyce uses primitive sensory language at the beginning of the novel to give the reader a sense of Stephen's immature mind as an infant and young child.

As Stephen comes of age so does his awareness and the language he uses in his narration. This is demonstrated by an experience he has while at Clongowes School. Stephen is thrown into the cesspool and develops a fever. As his fever worsens, he remembers events and scenes in terms of hot and cold. He recalls a white hotel lavatory where the faucets were marked hot and cold, watching his aunt/governess,

Dante, with her feet propped up by the fire, drinking hot tea, feeling hot and confused when his classmates accused him of kissing his mother, the cold night smell of the chapel, the warm feeling of wetting the bed that is followed by the cold wetness of the sheets, and the warmth of the holidays. His conscious awareness has matured and is reflected in the writing which describes his inner thoughts. Additionally, Stephen's consciousness is always changing apart from his normal growth and development. Stephen feels things differently according to his moods, circumstances, and surroundings. From one year to another he sees things in new light. From one age to another, everything changes for him. What was unreal has grown real, what was exciting has grown insipid, and the friends he used to care about have shrunken to shadows. Joyce's stream of consciousness narration is always reflecting the mind of Stephen Dedalus.

Throughout the novel, Joyce also uses allusions to help the reader understand the inner workings of the mind of Stephen and his position in relation to reality. From the very start of the novel Joyce uses these allusions. For example, one discerns an allusion to the cuckoo (tuckoo) which lays its eggs in the nest of other birds. This reference suggests that Stephen's story may be read as a variant of "The Ugly Duckling" in which the young boy, awkward and strange, is raised among an alien brood and suffers until he finally realizes that he can fly away and join his own kind in a community of a finer species. Meanwhile, his name, Stephen, is an allusion to the first martyr of the Christian faith, stoned to death by Pharisees, the intractable adherents of the old religious order. Saint Stephen was the visionary who preached a special truth to a world which responded with vindictive hostility, much in the way Stephen Dedalus' parents, teachers, church, and friends responded to him. Similarly, Stephen's last name, Dedalus, is a reference to the Athenian artist and inventor of Greek mythology, Daedalus. Imprisoned in a labyrinth by the Cretan King Minos, Daedalus, whose name means cunning artificer, constructs two pairs of wings fastened with wax so that he and his son, Icarus, can escape. Delighted by his ability to fly, Icarus abandons his father's warnings and soars too close to the sun. The wax melts and he plunges into the sea and drowns. Like mythical Daedalus, Stephen must take flight to escape the bondage of his life. These allusions to his name from the beginning of the novel help the reader understand the inner workings of Stephen's mind and the conditions under which he experiences his life.

Besides the allusion to Stephen Dedalus' name, Joyce continues to use allusions throughout the remainder of the novel. Father Arnall's relentless sermon, delivered while on a religious retreat, frightens Stephen into chastity after several episodes with Jewish prostitutes. In his description of hell, Father Arnall recalls Dante's *Inferno*. Later, after an epiphany on the beach, Stephen tells Cranly, his friend from university, I will tell you what I will do and what I will not do. I will not serve that in which I no longer believe whether it call itself my home, my fatherland or my church: and I will express myself in some mode of life or art as freely as I can and as wholly as I can, using for my defenses the arms I allow myself to use silence, exile, and cunning.

"I will not serve" is a reference to a statement attributed to Lucifer, the fallen angel, used by Father Arnall in his sermon. Lucifer was banished from heaven for the sin of pride. He would not bow down and serve God, stating, "nonserviem" or "I will not serve" (20). Also, according to Canadas, "An allusion to Epictetus' lamp during a discussion with the Dean of Studies at university is used by Joyce to show not only that Stephen has surpassed his instructor in his level of curious thought but also to further highlight Stephen's transformation to one who is dedicated to his art and knowledge". Epictetus, the ancient Greek slave who studied philosophy, had his iron lamp stolen. He mused that stealing something of material value is in the nature of the thief; therefore, Epictetus replaced his iron lamp with an earthen one to relieve himself of material possession and to escape the covetous eye of the thief. To Epictetus, such things were of little value and best avoided. He pursued his study of philosophy and writing by the lamp. His use for it was purely practical. His joy was not from the material but from eternal beauty. Similarly, Stephen must separate himself from the bondage of practical life, of possessions, and of slavery to race, religion, country, and family and become dedicated to his art. Throughout the novel, Joyce uses these allusions to allow the reader into Stephen's mind.

Finally, Joyce uses epiphanies as a window into the enlightened mind and consciousness of the hero, Stephen Dedalus. According to Landess, "fundamental to the appreciation of Joyce's work and the Modernist novel is the understanding of his concept of epiphany". Price adds that, "epiphany is central to the Modernist novel ushered into literature in the early 20th century. The journey of a character is as much an inward journey as a physical journey" (317). Epiphanies, and the heightened spiritual and intellectual awareness they provide, are central to the novel and Stephen's development (Hopkins 32). The novel contains five chapters, each ending in an epiphany for hero Stephen Dedalus. Chapter One ends with

Stephen's realization that he can be a hero to his peers when he tells the headmaster about a harsh prefect. Chapter Two ends with Stephen's sexual awakening at the hands of prostitutes. Chapter Three ends with Stephen's realization that he must lead a pious life or he will end up in hell. Chapter Four ends with the major epiphany of the novel in which Stephen understands that he is called to be an artist, not a priest (Hopkins 30). These "epiphanies" are essential to understanding Stephen's inner development and his desire to leave Ireland.

Yet, in the central epiphany of the novel, Stephen understands the mythical implications of his name. His strange name seems to him a prophecy. It is revealed to Stephen in a flash that he is meant to be a priest of art rather than a priest of God while envisioning a flight as a hawk-like man above the crashing waves at the beach (Price 317). The image of the bird-like girl in the water at the same beach brings this epiphany even higher. "Mixed bathing" was taboo in turn-of-the-century Ireland. Her bare legs indicate a rebellion against the repressive Catholicism from which Stephen must revolt. In an image that synthesizes the secular and the secularly spiritual; Stephen is brought to his greatest point of blissful self-actualization and epiphany. Stephen's vision of his future as an artist, envisioned in the form of a Daedalus or Icarus figure - "a hawk-like man flying above waves" implies that imagination has the capacity to soar above the limits of everyday reality. It represents Stephen with all the spiritual guidance or yearning-- the sense of vocation that he simply lacked for religion (Blades 157). Together with this realization about his name, the image of the bird-like girl culminates in his realization that his destiny is to be an artist. Stephen will fly away and become an artist, a writer (Price 316). He decides to escape the small-mindedness he was born into and to no longer remain loyal to those things that only serve to limit and trap him in their nets. Stephen will be loyal to the literary nation of artistic individuals. He will escape the repressive morality and small-mindedness of Ireland. As he puts it, "When the soul of a man is born in this country there are nets flung at it to hold it back from flight. You talk to me of nationality, language, religion. I shall try to fly by those nets". In this central epiphany of the novel, Stephen realizes he needs to be an artist and not a priest.

As Joyce's hero takes flight free from the nets of family, faith, culture, country, and countrymen to become an artist, Joyce immerses the reader in the stream of conscious thoughts of Stephen Dedalus, makes allusions to other works of literature, art, or persons that highlight Stephen's inner monologue, and uses the intellectual and spiritual awareness provided by epiphanies to inform the reader. Just as Joyce and other Modernist of the early 20th century cast off the bonds of 19th century literature with its linear flow of narrative, reliable and unambiguous narrator, and conventional unity of plot, Stephen Dedalus, the hero of Joyce's Portrait, casts off the shackles of his Irish soul and joins his own kind in a community of a finer species.

References:

1. Blades, John. James Joyce: A Portrait of the Artist as a Young Man. London: Penguin, 1991. 155-57.
2. Buttigieg, Joseph A. A Portrait of the Artist as a Young Man. Athens: Ohio University, 1987. 10-12.
3. Canadas, Ivan. "A Portrait of the Artist as a Young Man: James Joyce, the Myth of Icarus, and the Influence of Christopher Marlowe." *Estudios Irlandeses* 1 (2006): 16-22.
4. Hopkins, Brandon. *The Priest of Eternal Imagination: Joyce, Dedalus, and Epiphany*. Diss. University of Chicago, 2003.
5. Landess, Thomas H. "James Joyce and Aesthetic Gnosticism." *Modern Age* (1979): 145-53.
6. Price, Martin. *Forms of Life: Character and Moral Imagination in the Novel*. New Haven: Yale UP, 1983. 316-17.

Митькина Александра Дмитриевна**Mitkina Alexandra Dmitrievna**

магистрант

Северный (арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

г. Архангельск.

Email: Olala-la_66@mail.ru

УДК 371.71

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И УМНОЖЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**THE PROBLEM OF PRESERVATION AND AUMENTATION ON HEALTH OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN**

Аннотация: В этой статье рассматриваются различные способы сохранения здоровья учителя в условиях современной общеобразовательной школы. Внимание обращается на набор мер, необходимых учителю начальной школы для сохранения здоровья.

Annotation: In this article various ways of preservation of the teacher's health in conditions of a modern comprehensive school are considered. Attention is drawn to the set of measures required for an elementary school teacher to maintain health.

Ключевые слова: младшие школьники, здоровье, здоровый образ жизни, здоровьесбережение.

Keywords: schoolchildren, health, healthy lifestyle, health preservation.

Общество стремительно развивается, меняются ценности людей, меняется государственный заказ. Одно из самых важных направлений современного образования является формирование положительного отношения младших школьников к своему здоровью.

Эта проблема касается не только учителя, но и в первую очередь семьи. Только семье детей учат с малых лет ценить и заботиться о своем здоровье. Родители своим примером показывают образ жизни.

В связи с актуальностью заявленной проблемы нами была разработана программа для сохранения и укрепления и приумножения здоровья младших школьников, продолжительностью 1 год.

Цель программы: обеспечение единого комплексного подхода профилактики в процессе формирования положительного отношения младших школьников к своему здоровью.

Задачи программы: формировать ценностное отношение к своему здоровью; создать условия для обучения учащихся беречь и укреплять свое здоровье; воспитывать потребность в здоровом образе жизни.

Уроки окружающего мира будут посвящены сохранению здоровья человека. Наши разработки направлены на развитие самостоятельности мыслительной деятельности учащихся, а также активизируются творческие возможности и познавательный интерес. На уроках мы опираемся на личный опыт учащихся, чтобы они чувствовали ответственность за свое здоровье.

Дыхательная гимнастика неотъемлемая часть урока. Она основывается на массажном эффекте: при помощи струи воздуха, получаемой при применении короткого и активного вдоха. Использование игр, упражнений игрового характера с произношением во время выдоха различных звуков, стихотворных строк, пением песенок в такт ходьбе - звуко-речевая гимнастика, являются своеобразным вибромассажем, который способствует уменьшению спазма бронхов.

Педагог старается сформировать умение применение полученных навыков в жизни. В дальнейшем ребенок будет осознано заниматься занятиями физическими упражнениями.

Так же школьный день может начинаться с проведения гимнастики до уроков.

Важно помнить, что физические упражнения не следует выполнять в кабинетах, потому что это повлияет на микроклимат в классе в результате увеличения температуры.

Физкультминутки - это вид двигательной нагрузки, направленный на снятие усталости. Она используется всеми участниками педагогического процесса.

При первых признаках утомления учеников, педагог включает физминутку в свой урок. Обычно это заметно на 25-30 минуте урока.

Одна из частых проблем – близорукость. Для ее профилактики и замедления развития, можно применять гимнастику для глаз - офтальмотренаж. Время проведения составляет 1-2 минуты и состоит из 4-5 упражнений, повторяется 4-6 раз.

Таким образом, введение в урок физкультминуток, которые сочетают разнообразные упражнения, является незаменимым фактором для сохранения высокой работоспособности и укрепления здоровья школьников.

Важное место работе учителя начальных классов занимает классный час.

Еженедельно классные руководители проводят классные часы. Тематика связана с воспитательными целями, которые поставлены на учебный год.

Темы классных часов разнообразны: беседы, инструкции, так же могут быть приглашенные гости.

Для просвещения о здоровом образе жизни проводятся профилактические классные часы, которые направлены на предостережение от правонарушений, профилактика болезней, вредных привычек, популяризацию здорового образа жизни и развитие личности безопасного типа поведения.

Классные часы, посвященные беседам о вреде курения, алкоголя или наркотиков обычно привлекают специалистов: работников детской комнаты милиции, врачей и др.

В последнее время одна из значимых проблем имеющая общественную важность является наркотизация и ранней алкоголизация детей.

На Важное место в цикле уроков занимают «уроки жизненных навыков» (например, противодействие первой проблеме алкоголя, наркотика). Они дают шанс школьникам через игровую форму работы создавать установки и ориентиры на здоровый образ жизни.

В целях профилактики здорового образа жизни важную роль играет тема «Твой режим дня», в рамках которой происходит развитие самодисциплины младших школьников при соблюдении режима дня. На данном мероприятии школьники узнают, как составлять режим дня, каковы его функции, в чём полезность для здоровья.

На классных часах было проведено анкетирование.

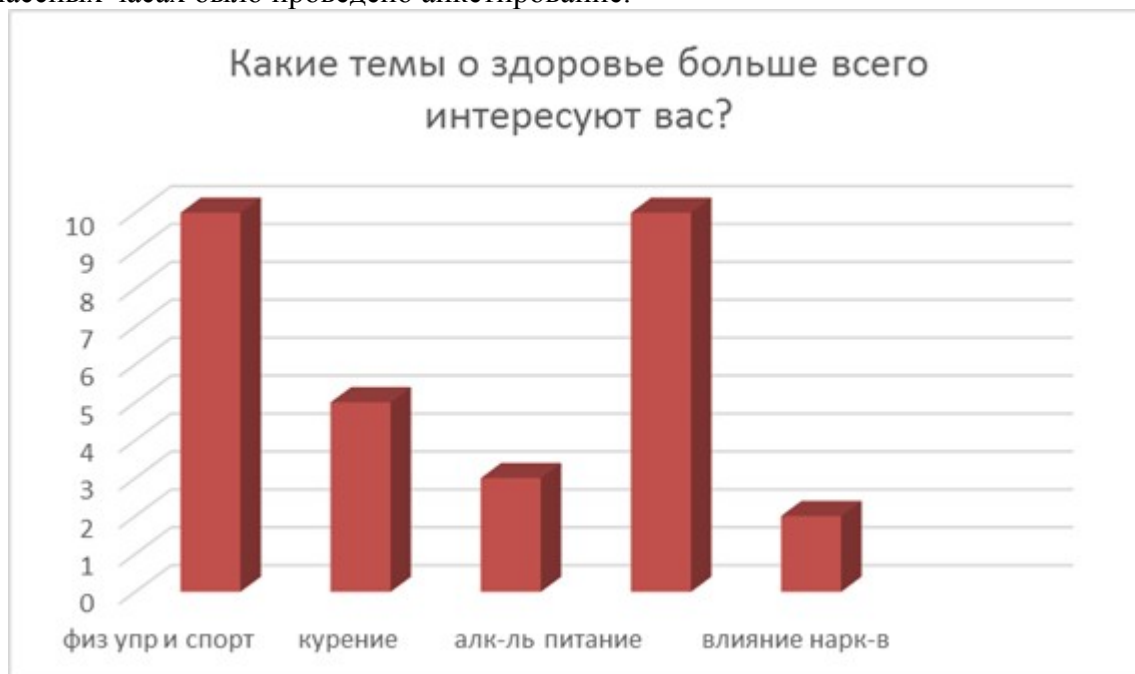

Рисунок 6 – Вопрос «Какие темы о здоровье больше всего интересуют Вас?»

В анкетирование участвовали 30 человек, «физические упражнения и спорт» ответили 10 человек, «курение» ответили 5 человек, «алкоголь» ответили 3 человека, «питание» - 10 человек, «влияние наркотиков» ответили 2 человека.

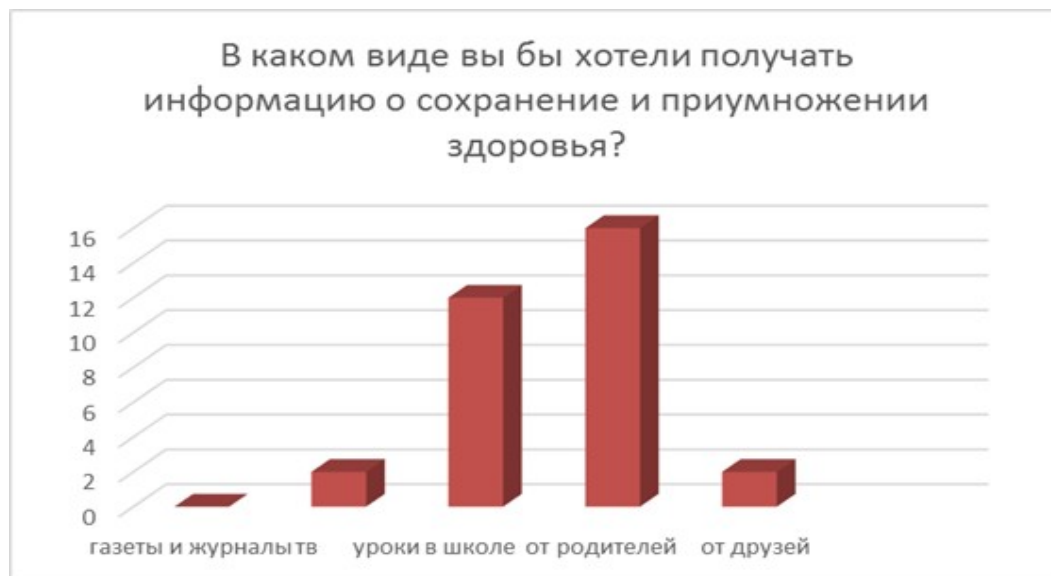

Рисунок 10 – Вопрос «В каком виде вы бы хотели получать информацию о сохранение и приумножении здоровья?»

В анкетирование участвовали 30 человек, «телевидение» ответил 1 человек, «уроки в школе» ответили 11 человек, «от родителей» ответили 16 человека, «от друзей» - 2 человека.

Ответы школьников помогут нам в дальнейшем разработать программу, отвечающую их потребностям и ответить на вопросы, которые интересуют детей.

Заботы о здоровье школьников касается не только взрослых, обеспокоенных детским здоровьем. Главное вызвать в детях желание заботиться о своем здоровье, основанное на их заинтересованности в учебе, в выборе элективов, адекватных собственным интересам и склонностям.

Библиографический список:

- 1 Аверин, В.А. Психология личности: Учебное пособие / В.А. Аверин. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 89 с.
- 2 Амосов Н.М. Раздумья о здоровье / Н.М. Амосов — М.: Медицина, 1987. — 116 с.
- 3 Бабанский Ю. К. «Методические основы оптимизации учебно-воспитательного процесса» 1982г. – 480 с.
- 4 Белкин А.С. Основы возрастной педагогики: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. — М.: Изд. центр «Академия», 2000. — 192 с.
- 5 Брехман И.И. Введение в валеологию / И.И. Брехман — М.: Колос, 1992. — 214 с.
- 6 Брехман И.И. Валеология — наука о здоровье / И.И. Брехман — М.: Физкультура и спорт, 1990. — 206 с.

Сатыбалдиева Евгения Дмитриевна
Satybalдиеva Evgenia Dmitrievna

УДК 811.112.2: 811.111

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ И АНГЛИЙСКИХ ЗАГОЛОВКОВ

STRUCTURAL AND GRAMMATICAL PECULIARITIES OF ENGLISH AND GERMAN TITLES

Аннотация: статья посвящена проблеме структурно-грамматических отличий немецких и английских заголовков в газетно - публицистических текстах. В статье рассматриваются примеры, взятые из различных электронных газетных источников. Проанализированы заголовки на английском и немецком языке.

Abstract: the article is devoted to the problem of structural and grammatical differences between German and English headlines in newspaper and publicistic texts. The article dealt with examples drawn from various electronic news sources. The headlines in English and German are analyzed.

Ключевые слова: заголовок, особенности перевода, метод сплошной выборки, грамматические черты заголовков, опущения, формы настоящего времени.

Keywords: title, translation features, a method of continuous sampling, the grammatical features of headlines, omissions, forms the present.

Такое лингвистическое явление, как заголовок, используется практически во всех сферах языковой деятельности человека. В данной статье уделяется внимание особенностям перевода заголовков на немецком и английском языках в публицистических текстах на русский язык.

Существует тенденция к содержанию в том или ином конкретном тексте выраженных с помощью определенных словесных приемов отсылки к другому конкретному тексту. Значит в любом языке, тексте, заголовке используется достаточное количество высказываний, устойчивых словосочетаний, пословиц, поговорок, цитат и других изречений основанных на песнях, произведений, слов персонажей из популярных рассказов и других текстов, исходящих из истории того или иного языка. Не являются исключением тексты на английском и немецком языках.

Для того чтобы достичь лексической значимости заголовка, авторы выбирают те слова, которые будут наиболее знакомы читателю и иметь своеобразную окраску и историю для человека. То есть тот или иной заголовок ассоциируется с определенной темой, тем самым кратко дает знать о чем пойдет речь в основном тексте. Так достигается тесная связь читателя и текста, заинтересованность либо безразличие.

В заголовках на английском и немецком языках употребляют прозвища, сокращения фамилий политических деятелей, знаменитостей, спортсменов, аббревиации, сложные предложения и безличные глаголы. Для анализа методом сплошной выборки были отобраны английские и немецкие заголовки из электронных газет The Independent, The New York Times, Deutsche Welle, Die Welt и др.

Грамматическими чертами английских газетных заголовков является опущение подлежащего: *Expect no change in North Korea - В Северной Корее изменений не ожидается.* [3]

Общей чертой заглавий на английском и немецком языках является опущение артиклей („*Kind springt aus Zug*“ - Ребенок прыгает из поезда), личных местоимений (*Hören „Yanny“ oder „Laurel“ – А что вы слышите, «Яни» или «Лаурель»*). [4] Однако, часто используются начальные формы глаголов, так называемые инфинитивы. Время the Present Indefinite в английском или Präsens в немецком заменяется на the Past Indefinite (*Pakistan blocks US envoy visit: official – Пакистан отказался принять американского дипломата*) [6] или Präteritum. The Present Participle или Partizip I, Partizip II в заглавии обозначает время, когда была написана статья и заголовок. Однако, согласно нашим исследованиям, такие заголовки встречаются крайне редко.

Будущее время передается инфинитивной конструкцией: *Japan's NEC to slash 10,000 jobs – Японская компания NEC планирует сократить 10 тысяч сотрудников.* Такие заголовки в русском языке имеют форму прошедшего времени.

Для придания тексту реалистичности, используются формы настоящего времени Present Simple или Präsens. Особенности будущего времени на русский язык обычно передается с помощью

инфинитива. Данное изменения способствуют повышению информативности, полезности и легкости получения сведений о той или иной проблеме, новости, сенсации.

Для уменьшения объема заголовка и удобства для прочтения чаще используется притяжательный падеж вместо родительного (*What has happened to each of Donald Trump's campaign pledges? – Что случилось на каждой предвыборной компании Дональда Трампа?*) [3]

Также еще одним способом уменьшения размера текста заглавия превалируют опущения глагола – связки *be* в пассивном залоге и именных сказуемых. (*At least two killed as three buildings collapse in Rio de Janeiro - В Рио-де-Жанейро обрушились три здания: погибли как минимум 2 человека.* [5])

В английском языке распространено использование пассивной конструкции. Но в русском языке пассивная конструкция не является столь нейтральной, как в английском, поэтому ее использование гораздо более ограничено.

Практически отсутствует использование определенных и неопределенных артиклей. Следующие слова чаще всего опускаются при написании заголовка: *a, an, the, Mr., Mrs., is, are, was, were, Dr.* и др. Однако, в любом случае, даже при опущении главной задачей при написании заглавия является завлечения читателя и обеспечения информацией об основном тексте. Поэтому, в данном случае, появляется правило: главное использовать «богатую» лексику, а не грамматическое содержание. Таким образом, стоит отметить важность собственно значения слов, при помощи которых достигается понимание заголовка и повышается его полезность и целенаправленность. Следовательно возможно опущение таких слов, как: *that, this, do, does, have, has, will* и другие. Однако стоит отметить, что нередко подобный выбор слов может привести к неясности, двусмысленности, поскольку многие лексические слова зависят от грамматических, которые помогают определить часть речи лексического слова. [1, С. 30]

В то же время для того, чтобы лучше понять смысл заглавия писатели прибегают к тому, что ставят в начало предложения ту часть речи, на которую падает наибольшее ударения, которая тем самым становится значимой частью предложения. (*Uni zahlt eine halbe Milliarde Dollar an Student – университет выплачивает полмиллиарда долларов студентам.*) [38] Обычно такие слова выделяются пунктуационно. Употреблением фразы со словом, вынесенным в начало заголовка газета подчеркивает его важность, используя тире в качестве графического приема для выделения этой части заголовка [2, С. 82].

Библиографический список:

1. Коробова Л.А. О семантике газетного заголовка // Иностранная филология. / Л. А. Коробова. – Алма-Ата, 1975. – С. 28-40.
2. Лукьянова Н.А. Введение в русистику: Учебное пособие / Н.А. Лукьянова // Новосибирский государственный университет, гуманитарный факультет. Серия V / Учебно-методические пособия. – Новосибирск, 2001. – С. 81-83.
3. Business // Telegraph // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/business/> , дата обращения 21.01.18
4. Die Welt // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.welt.de/kultur/>, дата обращения 15.04.18
5. Soviet hippies antiwar film // Jacobin Magazine // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.jacobinmag.com/2017/11/soviet-hippies-antiwar-film>, дата обращения 18.01.18
6. The DUP have saved the Union. Now can they please save Theresa May? // Telegraph // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/12/06/dup-have-saved-union-now-can-please-save-theresa-may/> , дата обращения 25.04.18

Трынкин Вадим Владимирович**Trynkin Vadim Vladimirovich**

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии и теологии

Candidate of philosophy science, docent of sub-faculty philosophy and theology

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

The Nizhny Novgorod State Pedagogical University. K. Minin

E-mail: gi51plrsfktq@gmail.com

УДК 330.8:001

АНАЛИЗ ТЕОРИИ ЭКОНОМИКИ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА**ANALYSIS OF THE THEORY OF THE ECONOMY OF NEOLIBERALISM**

Аннотация. Теория неолиберальной экономики признаёт свою позицию основной и главенствующей. Её знатоки стремятся, в этой связи, ниспровергнуть философию. Способом опровержения философии становится противопоставление ей обыденного разума. Экономической схоластики исторического метода Теория экономики неолиберализма не преуспела и в открытии законов экономического развития. В трудах философов заложены глубокие прозрения, относящиеся к субстанциональным основам жизни общества, к его экономическому состоянию и развитию.

Abstract. The theory of the neoliberal economy recognizes its position as the main and predominant one. Her connoisseurs are striving, in this regard, to subvert philosophy. The way to refute philosophy is to oppose it to ordinary reason. Economics scholasticism of the historical method. The theory of the economy of neoliberalism has not succeeded in discovering the laws of economic development. In the writings of philosophers deep insights are laid down, relating to the substantive foundations of society's life, to its economic state and development.

Ключевые слова. Теория неолиберальной экономики, анализ, обыденный разум, схоластика, исторический метод, философия.

Keywords. The theory of the neoliberal economy, analysis, everyday mind, scholasticism, historical method, philosophy

Введение. Теория неолиберальной экономики изложена во многих трактатах и учебниках, она, похоже, во многих случаях проверена практикой. Казалось бы, никакого дополнительного анализе в отношении к ней не требуется. Но развивается мир, развиваются и уточняются взгляды. И, видимо, настало время ещё раз более внимательно проанализировать теоретические положения данного вида экономики, а также их основания и предпосылки. Известно, что одной лишь экономике теоретические ориентиры не принадлежат. Хотя в современном мире возникла ситуация откровенного преобладания текстов, идей, мнений, советов экономистов неолиберального крыла над всем теоретическим знанием. Такой перекосяк в сопоставлении с целостной теорией развития общества едва ли оправдан. Может быть, назрела существенная потребность вернуть общественному сознанию разумные, а не только меркантильные ориентиры. Проблема осознания возможностей разума издревле исследовалась философией. Соответственно, за основные ориентиры общественного сознания исходно отвечает совсем не экономика, тем более, не её отдельная неолиберальная ветвь, но философия. Предполагается с помощью её оснований рассмотреть различные стороны теории неолиберальной экономики.

Основной раздел

Представители экономики неолиберализма где-то осознают, что вытеснили своими учениями разумное отношение к жизни. Потому свою позицию им хочется затвердить, признать основной и главенствующей. Для этого требуется ниспровергнуть философию. Знаток, считающийся по невнятной причине философом, а в большей степени экономистом, берётся философию критиковать. Основной его упрёк – философы переоценивают силу человеческого разума. В аргументации знатока главный приём философского мышления именуется логическими рассуждениями. Именно поэтому он не нравится знатоку [см. 11, 68]. Строго логические рассуждения характерны только для школы логического анализа (Л. Витгенштейн, М. Шлик, Р. Карнап), но не для философии в широком её понимании. Её уровни, посредством которых достигаются глубинные размышления, обобщения и

суждения, возвышаются над разными уровнями познания мира. Происходит это следующим образом:

опытные данные, их обобщения,
теории обобщений,
частные методологии наук,
целостная научная методология (когда исследуются только стратегические выводы наук).

В обширном поле познания присутствуют одновременно откровения теологии; эстетика, как условие познания художественного творчества; этика и теория права (не закона), а также экономика. В отношении ко всему громадному объёму знаний философия создаёт трансцендентальный (погранично-переходный) синтез и открывает перспективы развития широкого познания мира людей и вселенной.

Попытки сопоставлять свои опыты с философией характерны для многих экономистов. Используется следующий приём: вспоминается какой-нибудь известный философ, основное направление его учения, а после знаток возвращается к собственной методике, но, вроде бы, в соответствии с позицией философии. Например, кое-кто вспоминает Аристотелеву терминологию (лучше бы – философию). Далее знаток стремится в политике и в экономике учитывать этические моменты и концепции общества [см. 23, 13], что было бы очень верно. А через страницу заявляет о готовности начать с операционного подхода, к долговечным срокам отношения не имеющего [см. 23, 15]. Тем самым, реальной основой его анализа становится одно лишь опытное знание. Однако философия (если кто-то хочет на неё равняться), учитывая частные данные опыта, а через промежуточные ступени выходит на уровень стратегических обобщений. Основные из них не утрачивают актуальность через тысячелетия.

Кто-то о философии не вспоминает вообще, хотя начинает рассуждение с близкого философии подхода. Например, обращается внимание на расширение спектра значений проблемы тогда, когда она становится более общей. Сделав верный мысленный заход, сознание известного специалиста социологии сворачивает на сугубо личностные аксиомы и ценностные идеи [см. 3, 352]. Однако личностные, субъективные, отдельные аксиомы несопоставимы с интерсубъективной, имеющей объективный характер системой обобщений. На высоком уровне познания требуется совсем иной метод обработки многозначных позиций – трансцендентальный. Он уберегает от субъективизма и в то же время вводит познавательные позиции в сферу областей, отраслей, зон познания, находя их корни. А затем возвращается к обновлённому и всеобщему синтезу знаний.

Видный социолог призывает также вдохновляться конкретными практическими целями, стремясь мысленно упорядочить эмпирическую действительность, чтобы в конце концов обнаружить эмпирические истины [см. 3, 353-354]. Всё его сознание направлено на ближайшие цели, на опытное знание, и только на этом пути он стремится добыть столь же опытные истины. Данное стремление входит в противоречие с ранее заявленным расширением спектра значений проблем. Любое опытное знание никогда не замыкается в себе самом. Порождённая им идея тотчас ищет в поле сознания близкие и дальние идеи по принципам сходства и контраста. Расширение спектра значений является основной нормой мышления. Потому появившуюся в опыте идею невозможно вернуть на её прежний – эмпирический уровень. Соответственно, в поле ближнего и дальнего пересечения идей возникают не истины, а только новые принципы познания. В этой связи, эмпирическими они уже никогда не бывают. Тем более, что рядом с наукой рождается немало открытий в эстетике, этике, теории права, относящихся к процессам духовной жизни. Параллельно с наукой во все времена возникали и возникают интерпретации откровений религии. Потому высший уровень трансцендентального синтеза принадлежит философии, стремящейся создать целостную картину мира развивающегося знания. Она же намечает стратегические векторы его последующего развития.

Аналогичным способом опровержения философии становится противопоставление ей обыденного разума. С одной стороны, обозначается, что философии принадлежит стремление к расширению горизонтов познания, к созданию всё новых и новых априорных идей. С другой стороны, знаток стремится перенаправить сознание к конечному миру, чтобы изучать его с помощью ума самого человека [см. 11; 81, 84]. Философия действительно ответственна за создание горизонта перспективных, далеко не всегда априорных идей. От этого горизонта делать бросок обратно можно лишь для дополнительного анализа наиболее запутанных проблем, а вовсе не ради возврата к субъективному уму отдельного человека. Итог критики знатоком философии прост: он отказывает ей

в постижении наиболее сложных и глобальных проблем мира. При этом даже не догадывается о создании философией прогностической, и, вместе с тем, целостной картины мира, призывая, вместо этого, изучать проблемы жизни лишь с помощью субъективных, единичных обрывков опыта.

Понятие целостности – стратегическое и для философии, и для ряда других дисциплин. Не имея представления о человеческом организме, невозможно, в случае болезни, вылечить его до конца. Не имея представлений о пространстве и времени, невозможно определить расположение точек в пространстве. Не имея представления о вселенной, невозможно определить место галактик и звёзд в ней. Представление о целостности всегда служит критерием познаваемости определённого круга явлений. Философия лишь наиболее последовательно придерживается принципа целостности, который из познания неустрашим. Если же, наоборот, ориентироваться только на обрывки опыта или обобщения, никогда не будет возможности довести процесс познания до определённой законченности.

Наряду с приверженностью эмпиризму, знатоки неolibеральной экономки попадают в ловушку близкого ему по ограниченности примитивизма. Каковы особенности суждений экономики в данном ракурсе? Примитивизм возникает в экономических суждениях иногда случайно, чаще осознанно. В последнем случае его требуется обосновать. На пути примитивизма вновь оказывается философия, стремящаяся максимально раздвинуть горизонты познания. Философию, по этой причине, нужно опровергнуть. Способ опровержения – признание философского анализа и её способов обобщения утопическими. Слово «утопия» изначально понимается знатоками экономики в негативном ключе. Не принимается в расчёт главное – стремление философии предвосхитить развитие человеческих взаимоотношений, создать проективную модель их возможного состояния. Критик вспоминает о длинном списке авторов утопий. А далее накладывает на сложные философские понятия, требующие развёрнутого исследования, примитивные житейские определения. Философы, мол, создавали проекты земного рая, а правителем его должен был быть, якобы, чистый разум. Философы принимали за истины, мол, собственные фантазии. Им приписывается даже роль средневековой инквизиции, жестоко притесняющей еретиков [см. 11, 68]. О специфике чистого разума написано достаточно подробно [см. 19]. А в целом знаток сочиняет набор штампов, которые бессмысленно комментировать из-за откровенного нагромождения в них абсурдных обвинений.

Не опровергнув, а оболгав философский принцип прогностического мышления, знаток сворачивает на дорожку переименования высшего проявления человеческого мышления – разума. Противопоставляя разуму праксиологию, знаток отводит в сторону его всеобщие свойства постигать высшие стороны и состояния бытия. Он отводит разуму достаточно примитивную роль обслуживания конкретных действий [см. 11, 162]. С конкретными действиями обычно легко справляется обыденный рассудок. Однако И. Кантом проведена существенная грань между обыденным рассудком, рациональным мышлением и философским разумом [см. 18, 112-114]. В спектре видов познания, определённых Кантом, рассуждения знатока относятся только к свойствам обыденного рассудка. Обыденный рассудок действительно переплетён с действием, то опережая его, то следуя за ним, что отмечает и сам знаток. Выше его по значимости является рациональное познание, присущее науке. Над наукой и равноценными ей видами познания (эстетикой, этикой, правоведением, религиоведением) располагается философский разум. Философский разум словно парит над историческими фактами, их обобщениями, над научными открытиями и гипотезами, над, параллельными науке, видами познания. Только это состояние и этот широчайший обзор позволяет философскому разуму обобщать данные разных отраслей знания. Следовать же за рукой, ударяющей по молотку, или за пальцами, работающими с клавиатурой компьютера – совсем не стезя разума, но только обыденного рассудка.

К первому знатоку примыкает другой, также обличающий философов за сочинение ими утопий. Он обвиняет философов в том, что в их исследованиях не затрагивались, якобы, субстанциальные основы управления государством, а также не принималась во внимание свободная воля человека. Подвергается критике и смена философских эталонов в ходе истории [см. 7, 56]. Первые два обвинения (о субстанциальных основах управления государством; о свободной воле человека) откровенно ложны. Философы тем и знамениты, потому и известны по прошествии двух с лишним тысяч лет, что, начиная с Платона и Аристотеля, занимались субстанциальными проблемами управления государством. Что до свободы воли, то уже Сократ своей судьбой впервые в истории продемонстрировал её действие. А после свобода воли всегда пребывала в центре

рассуждений философов. Смена эталонов, о которой упоминает знаток, относятся ко всякой развивающейся области познания. Но при всём различии частных обновлений философии, она всегда содержала и содержит в себе корпус универсалий, свидетельствующих о её идентичности.

В философских сочинениях, кроме того, содержатся идеи, необходимые не просто современности, но и будущим поколениям. Если отнестись к трудам философов в прогностическом ключе, можно увидеть в комплексах заложенных там идей потрясающие прозрения, относящиеся к субстанциональным основам не управления, а регулятивной системы, обеспечивающей развитие общественных отношений. На скороспелые обвинения экономистов и социологов в адрес философии отозвался Макиавелли. Он изумился от того, что появляющиеся поколения в случае больших разногласий ищут ответы и решения не в собственных головах и современных им учениях, а обращаются к рассуждениям и советам философов древности [см. 10, 23]. Действительно, при всех критических выпадах в сторону философии со стороны отдельных знатоков разных наук, нарождающиеся поколения неизменно обращаются к истокам знания, которые они находят в сочинениях философов.

Наряду с эмпиризмом, примитивизмом, установкам экономической методологии присущи значимые методологические недостатки. Казалось бы, при наличии большого круга знатоков экономики, методология её должна быть отшлифована до совершенства. И всё же этого не происходит. Потому необходимо исследование данных причин. Методологический раздел описания также не остаётся без критики философии со стороны экономистов. В этом случае критике подвергается не вся философия, а философия науки, причём не полностью, а также лишь её логико-формальная часть [см. 1, 43]. Сразу стоит отметить, что философия науки достаточно молода на фоне широкого философского знания. Её начало относится к трудам О. Конта и Г. Спенсера, т.е., к середине XIX века. Философское знание как таковое развивается с VIII-VI вв. до н. э. Таким образом, разница между целостным философским знанием и его научной ветвью превышает 2,5 тысячи лет. Соответственно данной временной разнице, отличаются между собой тезаурусы философии и её научного ответвления. Логико-формальная часть философии науки относится только к операциям фиксации предложений, описывающих опыт [см. 20, 33-34]. Иначе говоря, её область познания, во-первых, невероятно узка, во-вторых, не соответствует объёму познания, присущему философии науки, как таковой. Следовательно, содержательное расстояние между формализованной логикой и философией в целом, огромно. Если принять во внимание значительное сужение объекта критики, то в отношении к логико-формальной части не философского, а логического знания, критика верна. Узкая полоска логического познания действительно далека от раскрытия причин и движущих сил явлений. Она и вправду увлечена описанием формальной структуры научных теорий, а её основным образцом является вовсе не философия, но физика. Произведя верный анализ логики, которая от подлинной философии очень далека, известный методолог экономики делает категоричное заявление об отсутствии у философии критерия истины. Он применяет способ отрицания надёжности философского метода познания, вроде бы, неспособного гарантировать различие ошибочного и точного знания. Его предположение состоит в том, что даже ошибочное знание, в силу отсутствия критерия истины, может оказаться наилучшим из достигнутого в конкретных обстоятельствах. Методолог пишет: «Не существует и надежного метода гарантировать, что то, что, возможно, ошибочное знание о реальном мире, которым мы располагаем, является наилучшим из того, чем мы могли бы располагать в данных обстоятельствах» [1, 75].

Тем самым методолог экономики, вторгаясь в область подлинной философии, огрубляет её до уровня формальной логики, и на этом основании отрицает познавательные возможности и философии, и науки в целом. Версия о критерии истины наиболее трудна не только для экономистов, но и для многих логиков, сводящих данную проблему к истинности бессодержательных тавтологий [см. 20, 21]. Проблему истинного знания предпринимала попытку штурмовать математика. Но её энергичные усилия были приостановлены теоремой Геделя [см. 18, 75]. В отношении к поиску критерия истины осуществлялся аналогичный, но ещё более неудачный опыт синергетики [см. 18, 138]. Казалось бы, можно вслед за известным экономистом отступить от данной проблемы и положиться на волю случая, что он, собственно, и предлагает. Хотя случай, согласно Демокриту, не может быть сам причиной чего-либо, но вынуждает искать другие, более глубокие причины. Тем самым, случай всё-таки обязывает искать критерий истины.

Наиболее приемлемой в плане определения критерия истины является позиция И. Канта, немало потрудившегося для её обоснования. Фактически проблема истинности познания становится

завершением знаменитого его труда «Критика чистого разума». В этом труде Кант доказывает невозможность отыскать истину на путях опытного знания, так как лучший прежний опыт (а их на протяжении истории появляется множество) практически всегда улучшается или опровергается новым опытом. Нет способа достижения истины в рамках и отраслевого научного знания, так как каждая из отраслей (физика, химия, биология, антропология и т.д.) является только частной формой общего процесса познания. Не появляется представление об истине даже на уровне методологии науки, поскольку она занята преимущественно познанием природы и в ней пока господствуют естественные науки. Меж тем, фундаментальной целью целостного знания является уяснение судьбы человечества на планете Земля и во вселенной. Судьба человечества естественным наукам пока не поддается. Она более внятно раскрывается в религиозных пророчествах, в философии права и в великих произведениях искусства. Потому эти три области знания – неотъемлемая часть в исследовании истины. Данные науки и параллельных ей видов знания, как упоминалось, обобщает философия.

Проблема поиска истины перемещается, таким образом, на философский уровень, где все лучшие представления об истине стремится выявить и обобщить трансцендентальный философский разум. Он целенаправленно создаёт целостный системный базис знаниям науки, теологии, искусствознания, а также нравственности и права (не закона). Это системно-базисное трансцендентальное обобщение различных областей знания впервые даёт представление о философском критерии истинности [см. 5, 555]. Данный критерий отличается от многих частных истин, вроде бы, открытых в разных отраслях науки. Он свидетельствует об ограниченности частных истин, опровергаемых последующим развитием целостного знания. Потому критерий истинности философии представляет собой достаточно достоверную оценку верности или ложности общей стратегии поиска. Данный критерий не содержит раз и навсегда установленного вердикта. Осуществляемый философским разумом синтез целостного знания всегда направлен в будущее. Он представляет собой эвристический, прогностический способ познания мира [см. 5, 571]. Лишь подобный синтез позволяет, выявляя стратегию поиска в отношении к целостному знанию, постигать судьбу человечества на планете и во вселенной.

Ещё более противоречивым, нежели мысли известного методолога, выглядит утверждение не менее известного знатока широкого профиля. Ссылаясь на здравомыслящих рационалистов, он утверждает, что разум человека ограничен в своих возможностях. Его аргумент таков: всегда, мол, останутся неразгаданными некоторые факты, которые объяснить уже невозможно. А далее он всё-таки предлагает рассчитывать именно на разум человека в процессе познания [см. 11, 84]. Позиция его оказывается противоречивой: разум человека – основа познания, но он ограничен, потому полагаться на него нельзя. В этой связи, существен вопрос: возможно ли доказать в принципе, что разум человека ограничен? Такого доказательства не существует, так как возможности человеческого разума никем не изведаны до конца. С другой стороны, действительно есть пока множество необъяснимых фактов и событий. В частности, нет возможности доказать, конечна или бесконечна не наша вселенная (она отчасти обозреваема), а мега-вселенная (как комплекс вселенных). Но у разума есть множество помощников (эксперимент, его анализ, его теория, методология науки, параллельные науке знания, их обобщение, философский прогноз, творческое вдохновение, наконец, откровение), с помощью которых возможности познания раздвигаются до необозримых широт.

Необходимые для успешного познания теоретические ориентиры теряются в случае использования схоластики. Ею называлось в древности школьное знание, а во времена средневековья она предстала в виде беспредметных рассуждений. К сожалению, подобные рассуждения возникают и в современных методах изучения экономики. Известный знаток философии хозяйства строит свои рассуждения следующим образом. Он готов отнести к предмету философии хозяйства нечто многое. Это многое именуется термином «бытие», а в отношении к человеку – бытием человека. Понятием бытие с древности определялось всё мироздание. Потому данное суждение имеет широчайший объём. В то же время, понятие «бытие» использовалось в отношении к материальной вселенной и могло иметь синоним «материя». Так или иначе, данное понятие в конкретном тексте должно быть как-то специфицировано. Знаток этой спецификации не делает, отчего применяемое им понятие приобретает абстрактный смысл. Хотя сам знаток воспринимает его как что-то существенное. Далее тем же знатоком заявляется философский способ познания. Он признаётся масштабным, разнообразным, свободным. Наконец, следует почти логическая тавтология: «в итоге сочетания двух

вроде бы достаточно ясных слов – философии и хозяйства – получается далеко не такое уж ясное нечто – философия хозяйства». К последней присоединяется ничего не объясняющее слово «загадка» [см. 15, 9]. Именно в таком ключе знатоком написана огромная вводная часть, в которой содержится немислимое количество беспредметных, неконкретных слов и предложений. Наконец, через десятки страниц, знаток вроде бы подводит черту вводной части: «сказав многое, мы в то же время еще не сказали о хозяйстве всего *понятийного*, что ему присуще» [15, 56]. Реальное осмысление философии хозяйства предстаёт в том же стиле: хозяйствованием именуется активное, целью положенное «преобразование бытия, осуществляемое по проекту, рождающемуся в бытийственном ничто» [см. 15, 59].

Знатоку, видимо, понравилось начало «Науки логики» Гегеля. В нём Гегель стремился доказать фактор самополагания процесса познания. Согласно Гегелю, логическая мысль не должна была иметь никаких предпосылок, кроме себя самой. Потому Гегель считал началом логического познания пустое ничто, которое тем самым становилось уже некоторым нечто. В философии хозяйства ситуация принципиально иная, поскольку хозяйство, в отличие от логики, преимущественно предметно и многообразно в своей предметности. Эта многообразная предметность активно преобразуется коллективным субъектом, в пределе – человечеством. Не считаться с процессом и разными формами преобразования предметного мира теоретику невозможно. Знаток в своих рассуждениях стремится активную реальность преобразования человеком природы и общественных отношений стереть, заменив всё это логическим «ничто». Делает он это так: признаёт динамику бытия, переходит к виртуальному ничто, предполагая, что только оно активизирует и реализует данную динамику. А само виртуальное ничто начинает воспринимать в виде трансцендентной (по Канту – запредельной), потусторонней реальности [см. 15, 59]. Кстати сказать, даже Гегель не превращал процесс самопознания в трансцендентную реальность, полагая, что вслед богочеловеческому явлению Иисуса Христа, Бог вочеловечился, и важнейшим проявлением его стал не трансцендентный, а именно человеческий разум [см. 19].

Стиль повествования у данного знатока таков, что он, высказывая очередную характеристику, тут же себе самому даёт оценку. Например, сделав заключение, в котором неопределённый хозяйствующий субъект «творит мир по своему усмотрению», он тут же добавляет: «Сильно сказано, не правда ли?». А далее наслаивает понятие на понятие с теми же значениями: «Хозяйство – творение жизни, бытия. Хозяйство – это демиургия. Хозяйствовать – демиургировать. Хозяйствующий субъект – демиург» [Осипов 70]. Аргументации данным утверждениям нет, потому они повисают в воздухе. Похоже, знаток философии хозяйства копирует стиль письма М. Хайдеггера. Хайдеггер тоже стремится изучать сущность бытия так, чтобы «мыслить в единстве сущность основания и бытие как таковое» [см. 21, 105].

К сожалению, М. Хайдеггер, ранее многими прославляемый, подал современникам и последователям далеко не продуктивный пример исследования. Им описывалась, в частности, экзистенциальная цепочка значений – «падение, страх, ужас и восстановленная забота», – позволяющих вырваться человеку из бездушного пустого «присутствия». Казалось бы, им открыто нечто новое. Но сам данный процесс давно описан в Аристотелевой «Поэтике» и в последующих теориях драмы. Начало связано с пребыванием героя в некотором жизненном забытии, попадание его в трагическую ситуацию, достижение пика трагизма, состояние катарсиса (его Аристотель относил только к зрительскому восприятию, но оно присуще также трагическому герою), полное переосмысление жизни и начало гуманного к ней отношения. Меж тем, миссия философа в отношении к той или иной области познания – максимально подробно исследовать труды предшественников, и, войдя в плотную, вязкую сущность данной области знаний и существующих теорий, найти подлинно стратегическое решение кардинальных для данной области знания проблем.

В этой связи, выскажу для философов и людей, не изучающих философию, суждение: философия не конкретной быть не может. К сожалению, поколение философов XX века, в период сталинского режима – по необходимости, а после – по сложившемуся стилю повествования, движется от абстрактного к абстрактному. Никакой конкретики, никаких технолого-философских рекомендаций для изменяющегося мира такой стиль философствования не содержит. Между тем, в отличие от опытного знания, в котором обобщение возникает по завершению опыта, философское обобщение подобно точке на вершине широкой и сложной пирамиды теорий и их обобщений. Ему постоянно требуется сканировать внутренним взором, поднимаясь от перечня конкретных проблем и их обобщений, к перечню отраслевых проблем и их обобщений, доходя до собственно философско-

трансцендентального уровня обобщений. Не будь этой огромной пирамиды знания, философскому обобщению была бы грош цена. Поэтому в отношении к экономике, философскому мышлению требуется безоговорочно учитывать специфику процессов преобразования природы человеком, видя в них истоки хозяйственной деятельности. Истоки такой деятельности необходимо видеть и в способах, и в методах уже существующего экономического познания. Потому необходимо принимать в расчёт экономические взгляды, теории и методы. И только к третьему уровню познания можно отнести философско-теоретический анализ теории хозяйства, а также прогностическую по отношению к развитию хозяйства философскую методологию.

Не только у экономистов, но и у теоретиков других отраслей знания пока доминирует тяга к использованию исторического метода при объяснении современных и будущих явлений. Насколько он оправдан? Нет ли иного вида познания? Социолог, изучающий государство, стремится постигать его в исторической и множественной смене форм. Благодаря опоре на это множество, он готов открыть закон, выявляющий его существо [см. 4, 28]. Парадокс подхода такого типа заключён в следующем: знаток не стремится выявить сущностные основания и аналогичные характеристики государства. Не стремятся создать на их основе принципы познания сущности государства, но ссылаются на авторитет истории. Об истории иногда говорят так: она учит тому, что ничему не учит. Это верное замечание, поскольку сам по себе перечень множественных государственных форм ничего определённого не содержит, но лишь запутывает сознание. К тому же государства постоянно развиваются, а, значит, нередко выходят за собственные исторические рамки, на что обращает внимание и сам знаток [см. 4, § 98].

Кроме множественности государственных форм картину уяснения их природы запутывают многочисленные толкования исторических событий. Толкования особенностей жизни государств противоречивы. Толкования последующих толкований запутывают картину ещё больше. Вывести нечто общее из множества противоречий поверхностного толка едва ли возможно. В итоге возникает парадокс: знаток, ссылаясь на авторитет истории, фактически внушает читателям, вроде бы, собственное мнение, порождённое, на самом деле, толкованиями уже имевшихся толкований. Никакого закона из этого наслоения суждений вывести невозможно. Такое весьма сомнительное знание он противопоставляет принципам философии. Философия отличается от исторического знания изучением сущностных основ и аналогичных особенностей в развитии государств. Знатоку недостаточно противопоставить своё субъективное мнение философским принципам. Ему необходимо ещё низвергнуть достоинства философского метода познания. В этой связи, он всячески превозносит прогресс исторических знаний. Выводы по поводу природы государства, сделанные философией, он бездоказательно считает простым самообманом [см. 4, 58]. Были бы у знатока аргументы, их можно было бы рассмотреть и подвергнуть анализу. Но их у него нет, а есть лишь голословное обвинение, которое в реальности ничтожно.

Ссылки на тот или иной отдельный период истории, вне глубинной теории проблемы, иногда откровенно непродуктивны. Обращаясь, например, к периоду якобинской диктатуры, другой знаток делает вывод, что достижение абсолютного народовластия приводит к отмиранию государственности [см. 17, 10]. Однако более детально проблемы народовластия освещены в трудах Аристотеля, в частности, в его «Афинской политике». Определение им способов всенародного участия в выборной системе могло бы служить образцом для аналогичных выборных систем в современности. В то же время, якобинская диктатура, по определению, является видом диктаторского, а не народного государственного устройства. Потому неверный выбор исторического отрезка, неверный выбор источника (Ипполит Тэн) приводят знатока к ложному выводу. Если бы основанием его размышлений были философские универсалии, а не на вырванные из общего исторического контекста факты, его вывод был бы плодотворным.

В определённое затруднение попадает и М. Вебер, стремясь ориентироваться на историю ряда проблем. С одной стороны, он сводит экономические явления к индивидуальным причинам, именуя данный процесс историческим. С другой стороны, остановившись на одной отрасли знаний – экономике – он пытается создать некую частичную картину, как крупницу полного исторического познания культуры [см. 3, 362]. Но в истории культуры параллельно развиваются события науки (как виды научного творчества), нравственно-правовые и социально-политические процессы, события искусства и интерпретации откровений религии. На фоне данного широкого поля познания индивидуальные экономические причины тонут в многообразии фактов, событий, процессов их осмыслений. Потому элементом теоретического понимания они быть не могут. С другой стороны,

попытка углубления в экономику саму по себе, отрыве от параллельных ей областей знания, ведёт к неминуемому разрыву её связей с близкими ей нравственно-правовыми и социально-политическими событиями и способами их познания.

Среди знатоков бытует попытка принизить процесс развития государства по сравнению с эволюцией управления биологическими объектами. Данные объекты кажутся знатоку наиболее совершенными вследствие длительности их развития. Человеческие элементы управления во временном плане, вроде бы, откровенно проигрывает эволюции [см. 7, 58]. Подобная аргументация не учитывает того, что поступательные и крайне медленные эволюционные процессы не идут ни в какое сравнение с интенсивным развитием и совершенствованием сущности государства. Точка зрения знатока не принимает в расчёт и того важнейшего обстоятельства, что развитие государственных форм началось задолго до земной эволюции. Например, в книге Гермеса-Тота (представителя внеземной цивилизации), прилетевшего, по преданию, с небес (в середине III тысячелетия до н. э.), люди земли могли почерпнуть знания по возрождению человечества. Такое возрождение, прежде всего, связано с основным устройством их жизни – с государственным строем. И поскольку предполагалось возрождение человечества, вряд ли предполагаемый государственный строй был ущербным. Одновременно известно о восстании честолюбивого фараона Атона против Божественного Амона-Ра (напрямую связанного с инопланетными существами). Подобные Атону фараоны и последующие честолюбивые правители извратили природу государственного строя. Эту, ныне извращённую природу государственного строя, знаток принял за приметку проигрыша сознанием создаваемых государственных форм спонтанной эволюции управления. Для примера можно вспомнить мудрого Солона. Он и близкие ему по духу основатели государств закладывали нравственные основы государственной жизни. Согласно одному из законов Солона, «Кто не кормит родителей, наказуется бесчестьем. Кто растратит отцовское имущество – так же...» [9, 79]. Проблема лишь в том, что мудрое правление, подобное правлению Амону-Ра, Перикла или Солона, постоянно извращалось, причём, с необычайной хитростью, недоступной эволюционным процессам. Потому уже Солон и те, кто подмечал виды извращений природы правления, указывали на их связь с тиранической властью: «кто в силе у тиранов, подобны камешкам при счёте: как камешек означает то большее число, то меньшее, так они при тиране оказываются то в величии и блеске, то в презрении» [9, 81].

В равнении на историю доходят, подчас, до парадокса. Знаток экономики отмечает, например, что современный взгляд на экономическую методологию уходит корнями к философии. Тут бы и поставить точку. Но он, вопреки предыдущему утверждению пишет, будто отправной точкой изучению методологии служит история [см. 22,1]. Возникает вопрос – что важнее: корневая система понимания или случайно выбранная отправная точка отсчёта? Вряд ли кто-то возвысит последнюю точку над философскими корнями экономической методологии. Однако знаток идёт ещё дальше, уточняя, что история переполнена деталями. А потому он отказывается даже от истории, переходя к отправной точке его собственного понимания. Стоит ли говорить, что точка зрения, оторванная от истории науки, тем более, от её философских корней, замешана на полнейшем субъективизме. Никто из современников не начнёт изобретать заново гелиоцентрическую систему мира или теорию относительности. Каждая новая точка зрения не возникает сама по себе. Чтобы сказать какое-то новое слово в познании, исследователю неминуемо приходится углубляться в корневую систему познания. Иначе его ждёт одна ошибка за другой.

Научное сознание стремится во всех своих областях открывать законы. Теория экономики также выбрала такой путь. Насколько данный путь оправдан? Насколько он продуктивен? И нет ли иного метода познания? Представление о законах познания впервые было, видимо, почерпнуто из ассоциации с Законами Божиими. В любом случае, наука с периода Нового времени настроилась на открытие законов природы и мира. Тон в познании законов природы задал своим великим сочинением И. Ньютон. Он заявил, что науке неинтересны более не совсем ясные субстанции и некие скрытые свойства природы. Его поколение авторов берёт на себя смелость подчинить явления природы законам математики, служащей приложением к физике [см. 14, 1]. Пример и авторитет Ньютона был настолько впечатляющим, что всё последующее развитие науки, вплоть до XXI в., настроилось на познание законов природы. В XIX в. совету Ньютона безоговорочно последовал предтеча позитивизма О. Конт. Он, теперь уже будучи окончательно убеждённым в правоте своих слов, писал, что даже философию (правда, позитивную) необходимо подчинить неизменным естественным законам, число которых следует свести до минимума. Следуя высоким авторитетам,

представители науки XXI века правомерность применения понятия «закон» восприняли как должное. Один из них, нацеливаясь не на неодушевлённую природу (как в механике Ньютона), а на изучение человека и общества, даже их стремится понимать и интерпретировать аналогично законам природы [см. 2, 3].

В чередё сторонников применения понятия «закон» к социальным процессам оказались и экономисты. А. Смит понятие «законы рынка» не употреблял, но именно он ввёл в действие некое подобие универсально действующей «невидимой рыночной руки». Последующие экономисты уже не сомневались в дееспособности понятия «законы рынка». Также А. Смитом был обозначен, после названный Миллем всеобъемлющим, закон разделения труда [см. 12, 342]. Милль, со своей стороны, писал о важнейшем законе возрастания производства [см. 12, 436]. Кэрнс, и не он один, видел основной задачей экономиста установление законов производства и распределения [см. 8, 17]. Известна и фундаментальная идея Маркса о некоем неумолимом законе экономического развития, протекающем за спинами людей, подчиняющем себе изменения в политической надстройке. Примеров такого употребления понятия «закон» в экономической литературе немало. Оправдано ли это с позиции философии?

Вернёмся к исходному – Законам Божиим. В изложении апостола Павла мы узнаём, что Господь вкладывает законы Свои в мысли и сердца людей. Главный из таких законов: Бог верховен по отношению ко всем делам людским, и народ признаёт его таковым [см. Посл. Павла к евр. 8. 10]. Изначально возникает твёрдое убеждение, что Божественные законы непререкаемы. Но вот пророк Исайя начинает сетовать: «Князья твои – законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонятся за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них» [Иса. 1. 21, 23]. В этой подсказке скрыта важнейшая идея: Всевышний и Боги народов [18, 390-392]. активно опекают созданное ими человечество. Для этой цели человечеству ниспосланы важнейшие законы поведения. Но, со времени фараона Атона началось противостояние земных правителей Божественным предначертаниям. То же косвенно фиксирует и Екклесиаст: «Ещё видел я под солнцем: место суда, а там – беззаконие; место правды, а там – ложь» [см. Екк. 3. 16]. Своеобразную точку в рассуждениях о непререкаемости законов, теперь уже не Божиих, а человеческих, ставит М. Монтень: «Ничто так ни подвержено постоянным изменениям, как законы» [13, 291]. Действительно, с каждой сменой верховного правителя законы неминуемо переписываются под его персону, и так происходит постоянно. Но это законы человеческие.

Как относиться к законам Всевышнего? Вряд ли и они в большинстве своих черт непреклонны. Всевышний в своей исходной сущности и в основном деле своём – Творец нового бытия, а, значит, и новых его законов, как природных, так и человеческих. Эту идею по-своему выразил однажды А. Бергсон в труде «Творческая эволюция». Следовательно, в Божественном мироустройстве идёт процесс постоянного видоизменения и обновления его законов. А, значит, ныне созданный закон в будущем будет преобразован или вообще отменён. Совсем по-иному объяснил несовершенство законов вселенной И. Кант. Он, на основании науки и философии, осознал необъятность Бытия. В этой связи Кант подверг сомнению даже, казалось бы, непререкаемый закон гравитации [см. 20, 126]. Современные научные данные об основных состояниях и энергиях вселенной его сомнения подтвердили. В конце XX века, например, обнаружена, пока во многом не освоенная тёмная энергия, обладающая свойством антигравитации. Причём, сама она не ничтожно мала, как могло бы показаться, но, наоборот, занимает вместе с тёмной материей около 98% вещества вселенной. Потому есть все основания прислушаться к мнению И. Канта, считающего, что законы во многом человечеству ещё не ясны и не доступны. Они должны уступить место принципам познания мира [см. 5, 85].

Принципы познания позволяют находить сущностные характеристики различных явлений в природе или в обществе и давать им объяснения. В отличие от законов, имеющих объективный характер, принципы принадлежат методологическому и философскому видам сознания. Каждый из них необходим познанию на достаточно долгом пути его развития. В будущем он может быть изменён на более сильный принцип. При всём при том, каждый подлинный принцип достаточно устойчив, имеет необходимую область описания явлений и опирается на достаточное основание. С его помощью появляется возможность находить те ли иные закономерности развития. Закономерности по своему статусу, вроде бы, ближе к законам и должны превосходить принципы по своей мощи. Однако принципы и закономерности являются разнопорядковыми понятиями: закономерности характеризуют объективные свойства познаваемого мира, но в гипотетическом

ключе, и потому отчасти субъективны. Принципы относятся к узловым моментам познания и потому относительно объективны. Изменениям в некоторой дальней перспективе могут подвергаться и те, и другие. Потому превозносить одни над другими не имеет смысла.

Теоретики экономики пока не нашли способа фиксировать узловые моменты познания. Хотя оппозиция в отношении к законам уже даёт о себе знать. Пигу, например, отрицает наличие какого-то одного закона в экономике. Он допускает наличие многих законов, имеющих разные константы [см. 24, 29]. Многих законов в науке быть не может, о чём логично предупредил в своё время О. Конт. Тем самым, Пигу, под понятием «константы» подразумевает, скорей, не законы, а принципы познания. По-своему восстаёт против законов рынка Поланьи. Он стремится учесть множественные факторы производства, с рынком не соотносимые. Даже земля перестаёт у него быть чисто природным началом, поскольку обрабатывается человеком. Потому, делает он вывод, невозможно «подчинить законам рынка саму субстанцию общества» [16, 81]. Есть в экономике пока лишь один исследователь, обративший внимание не на законы, а на принципы. Это Кларк, который, анализируя организацию общества, используемую ради производительных целей, признаёт её довольно запутанной [см. 6, 29]. Ей он противопоставляет принципы, придающие ей форму, а можно было бы добавить – и её содержательную сущность. И далее он с полным основанием отдаёт предпочтение принципам, позволяющим изучать и теорию организации общества, и теорию обмена. Учитывая все предложенные аргументы, было бы целесообразно использовать в познании экономических процессов и явлений гораздо более гибкий и гораздо более надёжный инструмент познания, нежели законы, а именно – принципы.

Заключение. Теория неолиберальной экономики признаёт свою позицию основной и главенствующей. Её знатоки стремятся, в этой связи, ниспровергнуть философию. Не замечается, что философия в отношении ко всему громадному объёму знаний создаёт трансцендентальный (погранично-переходный) синтез и открывает перспективы развития широкого познания мира людей и вселенной. Способом опровержения философии становится противопоставление ей обыденного разума. Обыденный не разум, а рассудок субъективен, ограничен, ситуативен. В трудах философов заложены глубокие прозрения, относящиеся к субстанциональным основам жизни общества, к его экономическому состоянию и развитию. Экономической методологии присущи определённые недостатки. Методолог экономики, вторгаясь в область подлинной философии, огрубляет её до уровня формальной логики. Меж тем, фундаментальной целью целостного философского знания является уяснение судьбы человечества на планете Земля и во вселенной. Необходимые для условия успешного экономического познания теряются в случае использования экономической схоластики, а также исторического метода. Теория экономики неолиберализма не преуспела и в открытии законов экономического развития. В реальности имеет место познание закономерностей с помощью принципов рассудка и разума.

Библиографический список:

1. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. 2 изд. – М.: Вопросы экономики, 2004. – 416 с.
2. Бондаренко Ю. Г. Всеобщие законы мироздания. – М.: Новый Центр, 2002. – 567 с.
3. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесловие Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Гумплович Л. Общее учение о государстве. – СПб. 1910. – 542 с.
5. Кант И. Соч. в 6 тт. – Т. 3. – М.: «Мысль», 1964. – 799 с.
6. Кларк Дж. Б. Распределение богатства. – М.: 2000. – 368 с.
7. Куриц С. Я., Воробьев В. П. Болезни государства (диагностика патологий системы государственного управления и права): монография / С. Я. Куриц, В. П. Воробьев. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО(У) МИД России, 2009. – 472 с.
8. Кэрнс Дж. Э. (1875) Характер и логический метод политической экономии: пер. с англ. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 127 с.
9. Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
10. Макиавелли Николо. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. / Соч. – Харьков: Фолио, 2001. – 70 с.
11. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. – М.: Экономика, 2000, – 878 с.

12. Милль Д. С. Основания политической экономии / Милль Д. С.; Чернышевский Н.Г. - СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909 / Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. – Том IX. 1860–1861 гг. – М., ГИХЛ, 1949 / Обновлено: 22/11/2016. – 676 с.
13. Монтень Мишель. Опыты. – Кн. 2. – М.-Л., 1958. – 291 с.
14. Ньютон Исаак. Математические начала натуральной философии. – М., 1989. – 688 с.
15. Осипов Ю. М. Курс философии хозяйства. – М.: Экономиста, 2005. – 320 с.
16. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени – СПб. «Алетейя», 2002. – 320 с.
17. Тихомиров Л. А. Критика демократии / Вступ. статья и комментарии М. Б. Смолина. Оформление М. Ю. Зайцева. – М.: Москва, 1997. – 672 с.
18. Трынкин В. Бытие судьбы. – Нижний Новгород: Изд-во «РАСТ-НН» 2012. – 512 с.
19. Трынкин В. В. Изучение методов познания бытия // Вестник Мининского университета, № 4. – Нижний Новгород, 2015. – С. 1-14
20. Трынкин Вадим. Схематизм и откровение – М.: Изд-во «Спутник +», 2016. – 574 с.
21. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М., 1993. – 447 с.
22. Boland Lawrence A. [1989]. Economic Methodology: Theory and Practice Revised final draft (London: Routledge)
23. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 2000. S. 446.
24. Pigou Arthur-Cecil. The economics of welfare (1920) / URL of this E-Book: The Economics of Welfare (4th ed.) (London: Macmillan, 1932). 551 p. (дата обращения 17.08.2017)

Мартынов Виталий Валерьевич

Тольяттинский государственный университет

Правовое обеспечение государственного управления и местного самоуправления

Vitaly Martynov

Togliatti State University

Course: Legal support of state administration and local self-government

УДК 329

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ПОНЯТИЙ «ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ» И «МНОГОПАРТИЙНОСТИ» В ПРАВОВОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ**THEORETICAL ASPECTS OF UNDERSTANDING THE CONCEPTS OF "POLITICAL PARTIES" AND "MULTIPARTY" IN THE LEGAL DEMOCRATIC STATE**

Аннотация: В статье исследованы основные теоретико-методологические подходы к пониманию сущности партий. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты по данной тематике. Актуальность темы настоящей статьи определена тем, что для нашей страны, являющейся активным участником глобальных процессов, проблематика понимания сущности партий, партийных систем и партийного строительства сверхважна.

Провозглашение в России правового демократического государства вызывает необходимость в проявлении должного внимания к различным политическим партиям, ведь, согласно тенденциям развития российского государства, представляется совершенно ясным, что только политические партии в ближайшем будущем будут обладать исключительным правом принимать участие в выборах всех уровней.

В связи с этим, очевидна необходимость принятия определенных мер по расширению прав различных политических партий, предоставление возможностей по их образованию, включая сокращение минимального числа партий.

Политические партии в России выступают в настоящее время в качестве единственных субъектов, которые реализуют волю избирателей в различных представительных государственных органах.

Указанная ситуация имеет в виду максимально вероятный доступ политических сил к избирательным процедурам, благоразумное упрощение их формирования. Место политических партий в политической системе детерминировано их двоякой природой: они являются одновременно элементом гражданского общества и частью государственного механизма. Политическая партия фактически вырастает в государственный механизм, что придает ей уникальное качество посредника между гражданским обществом и государством. Партия является каналом трансляции различных интересов гражданского общества к государству.

Проанализирована классификация партийных систем.

Abstract: In this article the author studies the theoretical and methodological approaches to the understanding of political parties concept. Moreover, the main normative and regulatory legal acts are studied in the article as well. The research rationale is determined by the fact that the issues of understanding of the concept of political parties, party system and party formation are highly important for Russia, an active participant in the global processes. The declaration of democracy in Russia demands the necessity of paying undivided attention to the various political parties as, according to the development tendency of the Russian Federation, it is clear that only political parties will have an exclusionary right to participate in elections at all stages in the nearest future. Therefore it is obvious that there is a need for taking measures to extend the rights of different political parties, to give an opportunity of party formation, including the reduction of minimum number of parties. The political parties in Russia are the only entity that implement the will of voters in different government departments. It implies the necessity of the most possible access for political forces to the election processes and sound simplification of their formation. The place of the political parties in political system is determined by their dual nature: they are both a civil society element and a part of the machinery of government. The political party embeds itself in the machinery of government, which gives it a unique role of a mediator between the civil society and the state. The party is a

means of transferring the civil society interests to the state government. The classification of the party system has been analysed.

Ключевые слова: партия, партийные системы, многопартийность, политическое многообразие, однопартийная система, двухпартийная система, многопартийная система.

Key words: political party, party systems, multiplicity of parties, political diversity, single-party system, two-party system, multi-party system.

В научной литературе определение основных понятий, таких как политическая партия», «многопартийность», рассматриваются с разных точек зрения и широко представлены в ключевых определениях настоящей работы.

Для более точного понимания анализируемых дефиниций, рассмотрим основные нормативно-правовые акты по данной тематике:

Статья 30 Конституции РФ закрепила право на объединение, выступающее политико-правовым основанием образования и деятельности различных политических партий, профсоюзов, создаваемых молодежных и детских общественных объединений, различных некоммерческих организаций, благотворительных организаций и других.

Статья 13 Конституции РФ провозглашает политическое многообразие, многопартийность. Согласно данному конституционному положению, государство гарантирует как равенство всех политических партий перед законом, вне зависимости от изложенных в их учредительных документах идеологии целей, так и обеспечение соблюдения прав и законных интересов всех политических партий. [1]

Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95 ФЗ отражает общие концепции к пониманию сущности партий и партийных систем. Предметом регулирования настоящего Федерального закона являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами Российской Федерации права на объединение в политические партии и особенностями создания, деятельности, реорганизации и ликвидации политических партий в Российской Федерации.

Актуальность темы настоящей статьи определена тем, что для нашей страны, являющейся активным участником глобальных процессов, проблематика понимания сущности партий, партийных систем и партийного строительства сверхважна.

Провозглашение в России правового демократического государства вызывает необходимость в проявлении должного внимания к различным политическим партиям, ведь, согласно тенденциям развития российского государства, представляется совершенно ясным, что только политические партии в ближайшем будущем будут обладать исключительным правом принимать участие в выборах всех уровней.

В связи с этим, очевидна необходимость принятия определенных мер по расширению прав различных политических партий, предоставление возможностей по их образованию, включая сокращение минимального числа партий.

Политические партии в России выступают в настоящее время в качестве единственных субъектов, которые реализуют волю избирателей в различных представительных государственных органах.

Указанная ситуация имеет в виду максимально вероятный доступ политических сил к избирательным процедурам, благоразумное упрощение их формирования. [5]

Место политических партий в политической системе детерминировано их двоякой природой: они являются одновременно элементом гражданского общества и частью государственного механизма. Политическая партия фактически вырастает в государственный механизм, что придает ей уникальное качество посредника между гражданским обществом и государством. Партия является каналом трансляции различных интересов гражданского общества к государству. В то же время, партиям свойственна нацеленность на достижение собственных, в большинстве своем, лишь партийных интересов: получение, сохранение и реализация власти при помощи продвижения своих представителей на главные посты в государстве, основываясь на поддержке общества, полученной в открытом демократическом состязании с иными политическими партиями в избирательном процессе. [7]

В качестве задач современной российской партийной системы выступает формирование горизонтальных связей между людьми и их различными общественно-политическими объединениями, поддержка и развитие договорных отношений как инструментов укрепления

институтов, которые уравнивают государство и одновременно поддерживают отдельного индивида.

В данном случае проявляется определенное противоречие между партиями и гражданским обществом, нивелируемое в политической системе как взаимной заинтересованностью, так и зависимостью партий, гражданского общества и самого государства.

В самом общем виде под партией понимается организация, созданная социальными группами в борьбе за власть или за участие в осуществлении власти.

Стороны определения, приведенные в различных политологических словарях дать некоторые детали этой общей идее: «Политическая партия-это организованная группа единомышленников, выражающая интересы части народа и ставящая своей целью их достижение посредством обладания властью в государстве или участия в работе некоторых его функций»; «политическая партия (лат. partis-часть) - наиболее организованная часть определенного класса (классов), отдельный социальный слой, защищающий его интересы».

Для более широкого понимания такого определения как «партия» рассмотрены и проанализированы основные теоретико-методологические подходы к пониманию сущности данного определения:

Идеологический подход – «партия как носитель идеологии». Еще в Древней Греции и Риме существовало понимание партии как части населения (народа), объединенной вокруг определенной идеологии. В 19 веке эта интерпретация нашла отражение в работах основателя французского либерализма Бенджамина Констанца: «Партия-это сообщество людей, публично исповедующих одну и ту же политическую доктрину».

Со временем этот подход потерял свою актуальность, так как рассматривал партию только с точки зрения идеологического инструмента, а инструментальный подход стал более актуальным. [3]

Инструменталистский подход - это «партия как средство достижения целей». Еще Дж. Сартори определяет концепцию партии как политической группы, которая активно участвует в выборах и имеет возможность проводить своих кандидатов в государственные органы. С появлением классового разделения общества на социальные группы большую роль в определении партии стал играть классовый подход, рассматриваемый ниже.

Классовый подход – «партия как интегратор интересов классов и социальных групп». Наиболее полное и яркое воплощение такого подхода можно найти в основных произведениях К. Маркса и В. Ленина. Несмотря на снижение интереса к классовой теории и классовой борьбе, этот подход все еще находится в научном и политическом обращении. М. Дювергер, характеризуя марксизм как условно схематическое учение, «вульгарное манихейство», однако, отметил, что он характеризует две ментальности, две социальные позиции, два образа жизни, четкое разграничение которых проясняет проблемы, связанные со структурой партий. Но рассмотрение партии с точки зрения взаимодействия социальных групп, потеряло свою актуальность с переходом общества к демократическому режиму и будет продолжать рассматривать подход, который возник во время этого перехода.

Коммуникационный подход – «сторона как медиатор». Джон. Сартори, характеризуя партию как посредника между обществом и властью, объяснил это так: «партия направлена к органам государственной власти в интересах различных социальных групп». Суть партии как отдельного политического института заключается в том, что она и выражает социальные интересы, и непосредственно реализует их с помощью власти.

Именно в этой связи партия и ее кандидаты в различные демократические политические системы обращаются к важным акторам политической борьбы и политической конкуренции. «Рассмотреть партию с точки зрения организационной структуры и тем самым точнее дать ее определение позволяет подход, рассматривающий партию как организацию».

Организационный подход – «политическая партия как организация». Ярким представителем такого подхода М. Дювергер, в отличие от своих предшественников, считает политическую партию не как сообщество идеологическое, «доктринальное» (в данном случае либеральное понятие партии) или социально-классовое, идеологическое (в данном случае марксистское понятие партии), а прежде всего как структурно-функциональное сообщество. Но самым передовым и актуальным на данный момент является модернистский подход, который синтезировал все вышеперечисленные подходы и привнес новую формулу в понимание сущности партии.

Модернистский подход. Плюралистический подход. Суть этого подхода является отсутствие доминирующего критерия в определении сущности политической партии, точнее, в их определенной смешивания: (идеология, интересы, цели, структура и т. д.). Такой подход типичен для Р. Михельса. По его мнению, партия не является ни социальной, ни экономической организацией. Теоретически партия может выражать интересы определенного класса.

Политическая партия-это институт, который выражает интересы определенной социальной группы (групп) или идеологий, и прилагает усилия для их реализации в правительстве. В этой связи политическая партия является одним из важнейших достижений цивилизации, определяющим нормальную общественную жизнь.

Цель партии - завоевание и удержание приобретенной власти, реализация прямых и обратных связей между непосредственно обществом и государством. Обратная связь дает возможность партии осуществлять уникальную роль - координирования, введения на политический уровень действительных и многообразных интересов, которые существуют или вновь зарождаются в обществе. [2]

Партийная система представляется совокупностью отношений между политическими партиями, их взаимоотношений с государством и иными политическими институтами. Складывается партийная система из определенных компонентов: социальный статус политических партий, положение политических партий в системе общества, а также характер взаимодействия между политическими партиями и самим обществом. В изданной политологической литературе имеются разные методики классификации партийных систем.

Общепринятой выступает следующая классификация разных систем партий: многопартийная система, двухпартийная и однопартийная системы. В зависимости от числа партий в определенном государстве партийные системы могут быть подразделены на однопартийные (неконкурентные), двухпартийные системы (бипартийные), а также многопартийные системы.

Однопартийная система фиксирует монопольную правящую роль партии, следствием этого является отсутствие свободных выборов. Данная партийная система свойственна для государств с авторитарными и тоталитарными режимами. В рассматриваемом случае единственная партия обращается в руководящую силу в стране. Главные политические решения принимаются партией, а государственная администрация лишь только реализовывает их на практике (например: СССР, Китай, Куба, Лаос и др.).

Двухпартийная система имеет в наличии две сильные политические партии, каждая из которых имеет потенциал победить на выборах и основать своё правительство. Практически самым ярким примером данной партийной системы выступает существование в США демократической и республиканской партий.

Многопартийная система характеризуется тем, что в государстве имеется более трех партий. Указанная система наиболее характерна для парламентской формы правления, и в связи с тем, что ни одна из партий не может завоевать поддержку большинства избирателей, они принимают участие в создании коалиционного правительства.

Многопартийность является один из базовых конституционных принципов политической жизни в современных демократических государствах, выступающий выражением более общего принципа политического и идеологического многообразия. Развитие парламентаризма очень тесно связано со степенью развития многопартийности. Хорошо сформированная партийная система содействует не только существованию идеологического и политического многообразия, но также формированию дееспособного парламента, так как это он представляется единственным органом государственной власти, чей политический авторитет дает возможность носителям той или другой идеологии оказывать влияние на управление государством.

За последнее время в России образовалось множество политических партий: они находятся в постоянном развитии, между ними ведется постоянная политическая борьба, происходит идеологическое развитие, объединение и проработка общих позиций для умножения влияния на различные государственные структуры, для выдвижения собственных представителей в органы власти.

Именно в данный период времени следует важное значение уделять базисному, теоретико-методологическому структурированию основных направлений в преобразовании основополагающих институтов развития партий и партийных систем.

В заключение следует добавить, что российская многопартийность современного периода находится в стадии своего развития, когда уточняются различные программные документы партий, их уставы, когда несколько идентичных партий либо сливаются в одну, либо покидают политическую арену. Всё это свойственно партийной системе переходного периода.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) //СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Заславский С.Е. Политические партии России. –М.: Институт права и публичной политики, 2013. – 282 с.
3. Невинский В.В. Рецензия: Крылов Б.С. Проблемы влияния идеологии на общество и государство: научно-публицистическое издание // Конституционное и муниципальное право. 2013. N 5. С. 75 - 76.
4. Общая и прикладная политология: Учебное пособие / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. - М.: МГСУ; Изд-во “ТК Велби”, 2015. – 419 с.
5. Овсепян Ж.И. Конституция Российской Федерации как основа формирования политических партий и осуществления партийно-политических проектов // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 31 - 38.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь. –М.: АСТ, 2016. – 736с.
7. Семенова Л.З. Политические партии: понятие, сущность //Журнал российского права. 2014. № 3. С. 19-23.

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1159

Журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат»

Кемерово 2018